

В Цзянху каждую секунду что-то происходит, и в этот круговорот вовлечено бесчисленное множество правдивых и ложных слухов: над одними восхищенно охают, другие же воспринимают лишь как нелепые байки за чашкой чая.

Недавно из неизвестного источника поползли слухи, вызывающие лишь смех.

Говорили, будто пару дней назад, когда Симень Чуйсюэ совершал очередное убийство, там внезапно появился какой-то мужчина. Он с первого взгляда вспылал к Симень Чуйсюэ страстной любовью, а получив отказ, не отступился и теперь днями и ночами дежурит у стен Усадьбы Десяти Тысяч Слив.

Постоялый двор — неизбежное пристанище для странников в Цзянху, место, где расходятся и переплетаются самые разные слухи, и куда то и дело заглядывают всевозможные бродяги.

В самом углу одной такой таверны сидел необычный человек из Цзянху: он носил забавные усики, подстриженные так причудливо, что казалось, будто у него на лице целых четыре брови.

Лу Сяофэн потягивал вино и только качал головой, слушая нелепые сплетни, ходившие по постоялому двору. Если бы кто-то и впрямь отважился на подобное безумство, Симень наверняка пронзил бы наглеца мечом в тот же миг — с чего бы ему позволять какому-то прилипале досаждать себе дальше?

Впрочем, хоть эта история и была чистой воды вздором, при следующей встрече с Сименем можно было бы славно над ней посмеяться.

Интересно, если Симень Чуйсюэ услышит, как его имя полощут в таких небылицах, неужели его вечно ледяное выражение лица хоть капельку дрогнет?

Лу Сяофэн потрепал свои усы, предвкушая забавное зрелище.

В этот момент в таверну вошел молодой парень в короткой куртке.

Стоило ему появиться, как трактирные слуги разом обступили его, а некоторые гости даже вытаращили глаза.

— Эй, малыш, твои глаза уже в порядке? — засыпали парня заботливыми вопросами товарищи.

— Ты что, уже исцелился и вернулся к работе?

Оказалось, этот парень тоже работал здесь половым.

Молодой слуга по очереди ответил каждому:

— Стоило мне утром снять повязку, как я снова всё увидел.

— Да, как только поправился, сразу вернулся к делам.

Хозяин таверны тоже заметил оживление, подошел ближе и обратился к парню:

— Послушай, к чему тебе было спешить? Отдохнул бы еще пару дней. После таких тяжелых увечий я бы ни за что не уволил тебя за пару дополнительных дней отдыха.

— Хозяин, я правда абсолютно здоров, гляньте сами.

Парень подставил лицо поближе.

Хозяин пригляделся и изумленно ахнул:

— И впрямь чудо-врач!

Следов прежней травмы на лице не осталось и в помине.

Другие слуги тоже сбежались, разглядели всё вблизи и принялись восторженно охать.

— И правда!

— Ну и повезло же тебе, братец!

— И то верно, фортуна мне улыбнулась.

Пока здесь шло бурное обсуждение, трапезничающие гости тоже заинтересовались происходящим.

— Что там стряслось?

— О чем это они толкуют?

Один из изумленных посетителей опомнился, услышал чужие расспросы и возбужденно принялся рассказывать соседям по столу о вчерашних событиях:

— Слушайте сюда, вчера прямо здесь...

— Тот самый трактирный слуга, значит...

— Кто бы мог подумать, что его и вправду исцелят!

— До чего же непостижимо!

Кувшин с вином замер в руке Лу Сяофэна, продержавшись на весу добрую половину дня. О выпивке он сейчас думал меньше всего: прислушиваясь к окружающим разговорам, он еще долго не мог поверить, что у него не галлюцинации.

Он вскочил на ноги и в два счета ухватил хозяина за плечи.

— Уважаемые, скажите, где сейчас тот чудо-врач, о котором вы только что говорили?

Цзяннань, Древнее Государство.

У оживленной улицы, где непрерывным потоком шли прохожие, стоял небольшой теремок, сплошь утопающий в цветах.

Сейчас на втором этаже стоял молодой человек в одежде богатого наследника. На нем было искусно сшитое из тончайшей ткани белое исподнее — ни единой лишней детали, сам он источал мягкое, облагороженное сияние, словно кусок теплого нефрита. В этот момент юноша аккуратно поливал цветы из изящного чайника.

Хуа Маньлоу, седьмой господин из Клана Хуа, младший и самый любимый сын в семье.

С детских лет Хуа Маньлоу был слеп, из-за чего домочадцы окружали его избыточной заботой и баловали сверх меры. Поэтому, достигнув совершеннолетия, он съехал из родового гнезда и поселился в Павильоне Ста Цветов в полном одиночестве — чтобы доказать родным, что способен прожить достойную жизнь сам.

И ныне он не просто преуспевал в этом, но и помогал другим. Он страсть как любил выручать людей, и двери Павильона Ста Цветов всегда оставались распахнутыми для каждого, кто приходил за помощью.

Однако сейчас в этот тихий оазис ворвалась ватага свирепых людей.

— Молодой господин Хуа, наш господин желает видеть вас.

Главарь процедил слова хриплым голосом; это звучало скорее как угроза, нежели приглашение, ибо стоило ему замолчать, как остальные подручные мигом заблокировали все возможные пути отхода.

— Кто ваш хозяин?

Хуа Маньлоу не обратил внимания на окруживших его людей и лишь безмятежно поинтересовался.

— На месте узнаешь!

Главарь взмахнул рукой, и остальные тотчас бросились на Хуа Маньлоу, намереваясь силой уволочь его за собой.

Хуа Маньлоу не выказал ни малейшей тени испуга. Его рука взметнулась, словно плывущие облака и вспорхнувшие птицы, и широкие рукава смели всех нападавших разом.

— Раз по-хорошему не понимаешь, отведаешь грубой силы! — видя, что вся его челядь повержена, главарь выхватил саблю и замахнулся для удара.

— Стоять!

Женский окрик заставил его замереть на месте.

— Велела пригласить молодого господина Хуа, а вы посмели вести себя столь грубо! — отчитала она подчиненных, а затем повернулась к хозяйшке дома: — Молодой господин Хуа, приношу извинения за бесцеремонность моих людей, прошу вас, не извольте гневаться.

Девичий поклон был изящен и полон раскаяния.

— Сударыня излишне любезна, — Хуа Маньлоу сложил руки в приветственном жесте. — Какая-то нужда заставила вас искать меня? Быть может, кому-то из вас требуется моя помощь?

— Молодой господин Хуа и впрямь необычайно проницателен, — тихонько усмехнулась девушка. — Я и вправду явилась с просьбой почтить нас визитом и побыть гостем в нашем доме. Ваш друг Лу Сяофэн оказал нам неоценимую услугу и выручил в превеликой беде. Желая отблагодарить его, мы устроили пир, но так как я знаю, что вы с ним добрые приятели, мне захотелось пригласить на это торжество и вас.

Хуа Маньлоу на мгновение умолк, а затем произнес:

— Раз Лу Сяофэн у вас, я пойду с вами!

— Прошу за мной, карета уже ждет снаружи, — девушка протянула руку, указывая путь.

Хуа Маньлоу вышел из павильона и уже собирался подняться в экипаж.

— Хуа Маньлоу!

Появившийся вовремя Лу Сяофэн заметил, что его друга пытаются увести, и тут же бросился к ним, используя цигун.

Он свирепо зыркнул на девушку:

— Хуа Маньлоу никуда с тобой не поедет!

— Лу Сяофэн? — Хуа Маньлоу повернул голову в сторону донесшегося голоса и изумился. — Разве ты не у них в лапах?

Лу Сяофэн оскорбленно скривился:

— С чего бы мне быть у них в лапах? Более того, я всеми силами стараюсь держаться от них подальше.

С этими словами он вновь повернулся к девушке и раздраженно бросил:

— Я же русским языком говорил: мне ваши неприятности не по зубам, ищите другого помощника!

Прогнав незваных гостей, оба вернулись в павильон. Хуа Маньлоу тут же спросил:

— Лу Сяофэн, что здесь происходит?

Лу Сяофэн тяжело вздохнул:

— Хуа Маньлоу, на этот раз я втянул тебя в неприятности из-за собственной глупости!

Он уже догадался, зачем понадобилась эта женщина.

— Та дамочка — принцесса Великого князя Пэн, разыскала меня и требует помочь им с местью.

— Ты отказался? — поинтересовался Хуа Маньлоу.

Он добавил: — Судя по всему, она женщина весьма привлекательная. Удивительно, что Лу Сяофэн способен отказать женщине.

Лу Сяофэн усмехнулся:

— Знаешь ли ты, кому они хотят отомстить?

Хуа Маньлоу:

— Опасные люди?

Лу Сяофэн:

— Чудовищно опасные. Если оступишься, я мигом превращусь в жареного феникса.

— И надо же им проявить такое упорство — добрались даже до Павильона Ста Цветов!

Лу Сяофэн чувствовал, что дело принимает куда более скверный оборот, чем он предполагал.

Атмосфера сделалась чересчур тяжелой, и Хуа Маньлоу сменил тему:

— Ты примчался сюда сломя голову как раз для того, чтобы предупредить меня об этом?

— Разумеется, нет, — не задумываясь, ответил Лу Сяофэн, но тут же поскреб усы и добавил: — Разумеется, я явился сюда, чтобы выпить с тобой вина!

— И слава богу, что примчался! Окажись они убедительнее и вздумай шантажировать тобой, мне и впрямь пришлось бы ввязаться в это дело поневоле!

Заметив, что Лу Сяофэн явно что-то утаивает, Хуа Маньлоу из деликатности не стал допытываться и делать вид, будто раскусил его маневр. Друзья просто достали кувшин отменного вина и принялись пить наравне с прежними временами.

Глубокой ночью.

Лежавший в постели Лу Сяофэн вдруг распахнул глаза. Услышав шорох на крыше, он перевернулся и оттолкнул створку окна.

Спустя мгновение, когда он вернулся в комнату, Хуа Маньлоу уже поджидал его там.

— Лу Сяофэн, кто это был? — спросил Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн протянул ему деревянную бирку.

Хуа Маньлоу пощупал ее пальцами и поразился:

— Наемный убийца из Башни Зеленых Одежд?

Глядя на бирку, Лу Сяофэн выглядел не менее мрачным. Он припомнил свой недавний разговор с тем ассасином.

— Зачем вы явились по мою душу?

— Лу Сяофэн, ты сам накликал на себя беду!

— Дела Династии Цзиньпэн — не твоего ума дело!

Хуа Маньлоу погрузился в раздумья:

— Эти наемники из Башни Зеленых Одежд появились из-за сегодняшней дневной стычки? Кто-то заплатил им за твою голову?

— Вряд ли кто-то еще, кроме тех троих, заинтересован в том, чтобы я стоял в стороне.

— Заказчик убийства Янь Тешань? Дугу Ихе? Или Хо Сю?

— А может, кто-то из этой троицы и есть истинный хозяин Башни Зеленых Одежд, скрывающийся за кулисами? — внезапно высказал предположение Лу Сяофэн.

— Если твоя догадка верна, дело становится еще запутаннее! — лицо Хуа Маньлоу помрачнело.

— Да брось, сколько веревочке ни виться, а хвост покажется! — Лу Сяофэн беспечно пожал плечами.

На следующий день.

Лу Сяофэн вернулся с улицы и бросил Хуа Маньлоу, поливавшему цветы:

— Угадай, кого я сейчас видел?

Хуа Маньлоу опустил лейку:

— Кого?

Лу Сяофэн подбросил в руке сорванный фрукт:

— Су Шаоина.

Хуа Маньлоу удивился:

— Су Шаоина из Эмэй?

— И мало того, — продолжил Лу Сяофэн, — он беседовал с тем самым вчерашним убийцей.

Опасаясь новых покушений, Лу Сяофэн все это время держал ухо востро и патрулировал окрестности. Во время очередного обхода в одном из переулков он и заметил Су Шаоина, толкующего с наемником Башни Зеленых Одежд.

— Наставник Су Шаоина — Дугу Ихе. Неужели убийц подослал он? — высказал догадку Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн раздраженно упер руки в боки:

— Неважно, является ли Дугу Ихе настоящим злодеем за кулисами или его самого подставили — Су Шаоин и тот киллер нарочно попались мне на глаза. Хуа Маньлоу, ситуация куда сложнее и опаснее, чем мне казалось. Мы больше не можем оставаться здесь!

Янь Тешань — богатый купец и ювелир, Хо Сю — богатейший из всех, а Дугу Ихе превосходит их обоих в боевых искусствах, представляя собой самую опасную и колючую занозу.

На широком тракте две лошади неслись во весь опор.

— Лу Сяофэн, куда мы держим путь? — спросил Хуа Маньлоу у скакавшего рядом товарища.

Лу Сяофэн пришпорил коня:

— Если Дугу Ихе и вправду стоит за Башней Зеленых Одежд, нам вдвоем его ни за что не одолеть. Нам срочно нужна подмога.

Хуа Маньлоу:

— Значит, мы ищем того, кто способен справиться с Дугу Ихе?

Лу Сяофэн:

— Дугу Ихе — непревзойденный мастер меча, так что и искать мы будем мастера меча.

— Ты говоришь о Симень Чуйсюэ? — тут же догадался Хуа Маньлоу.

Лу Сяофэн кивнул:

— Именно. Мы направляемся напрямиком в Усадьбу Десяти Тысяч Слив.

— Уж запрешь ли я там и пережду, пока они выяснят отношения, или увяжусь за Сименем, чтобы вытащить его на поиски злодеев — стоит нам переступить порог усадьбы, как преследователи отстанут.

Намерение невидимого неприятеля впутать его в эту историю было слишком очевидным, и поскольку по пятам неотступно шли наемники, Лу Сяофэн жаждал отыскать Симень Чуйсюэ как можно скорее.

Вдобавок Лу Сяофэн украдкой покосился на Хуа Маньлоу. Из-за слепоты тот мог ориентироваться в дороге лишь по стуку копыт впереди идущей лошади.

Взглянув на глаза Хуа Маньлоу, Лу Сяофэн невольно нахмурился, вспомнив об условиях исцеления, которые выдвинул тот человек, найденный им незадолго до этого.

Лу Сяофэн не ошибся: стоило им пересечь границы владений Усадьбы Десяти Тысяч Слив, как преследовавшие их люди тотчас испарились.

Усадьба Десяти Тысяч Слив — обитель Симень Чуйсюэ.

Вопреки мрачным и ледяющим душу слухам, окружавшим его владельца, земли вокруг усадьбы вовсе не выглядели пустынными и промозглыми. Напротив, кругом буйствовало цветение: склоны холмов пестрели от персиковых и рододендроновых зарослей, а роскошное поместье тихонько нежилось среди этого цветочного моря, озаренное ослепительными лучами заката.

Из-за сурового нрава хозяина сюда редко кто заезжал по доброй воле, а стражи у ворот и вовсе не держали; в последние дни тяжелые багряные створки и вовсе были наглухо заперты из-за одного давнего дела.

— Как вовремя мы поспешили, еще чуть-чуть, и нас бы не пустили, — Лу Сяофэн с облегчением похлопал по воротам.

Хуа Маньлоу покосился на него с улыбкой:

— Помнится, ты хвастался, что вы с Симень Чуйсюэ друзья. С каких пор друзьям приходится бояться, что их не пустят на порог?

Лу Сяофэн вздохнул:

— О, Хуа Маньлоу, ты не знаешь главного. У Симень Чуйсюэ есть правило: после захода солнца

он никого не принимает, и ворота усадьбы больше не отворяются.

Хуа Маньлоу услышал об этом впервые и удивился:

— Неужели другу, пришедшему к нему с наступлением темноты, придется куковать снаружи до самого рассвета?

— Ты угадал. Опоздай мы еще немного, и сегодня пришлось бы кормить комаров под открытым небом, — вздохнул Лу Сяофэн.

Хуа Маньлоу нахмурился:

— Неужели даже для тебя не делается исключений?

Лу Сяофэн развел руками:

— Побойся неба, будь ты хоть самым нефритовым владыкой небес, его порядки нарушать не смей.

Тут же он вновь усмехнулся:

— Впрочем, стоило бы мне оказаться внутри, выгонять меня он бы точно не стал.

Хуа Маньлоу качнул головой и улыбнулся:

— Ну ты и нахал!

Закончив шутить, Лу Сяофэн посерьезнел:

— Раз уж мы здесь вместе, я обязан произвести на хозяина дома должное впечатление. Я давно хотел познакомить тебя с Сименем.

Лу Сяофэн обладал легким нравом и страстью к заведению знакомств, поэтому друзей у него было полным-полно по всему миру — пожалуй, лишь князь воров Чу Люсян мог потягаться с ним в умении сходиться с людьми.

Многие из этих товарищей были собутыльниками, с которыми ему довелось осушить не один кувшин.

В Цзянху совместная выпивка за одним столом уже считалась судьбой, а раз свела судьба, как тут не задрожить?

Лу Сяофэн никогда не скупился на угощение для людей, а сам он был до того обаятелен, что каждый, кто пивал с ним вино, неизменно достаивал его звания друга.

А после застолий и долгих бесед все обычно расходились в разные стороны, чтобы в будущем, возможно, столкнуться вновь — или же расстаться навсегда.

Помимо таких шапочных знакомств, у Лу Сяофэна имелось немало давних приятелей, с которыми он поддерживал связь: это и близкие по духу доверенные лица, и деловые партнеры, чьи отношения строились на взаимной выгоде.

Но главными среди друзей оставались те немногие, ради которых он готов был броситься в огонь и воду, не раздумывая отдавая за них жизнь.

Хуа Маньлоу несомненно относился к числу таких людей, и владелец усадьбы, к которому они направлялись, — тоже.

Раз уж оба его лучших друга оказались в этих краях, разве мог Лу Сяофэн упустить шанс свести их друг с другом?

Но Хуа Маньлоу, услышав это, лишь молча покачал головой:

— Я не собираюсь входить внутрь.

— Почему? — удивился Лу Сяофэн.

Хуа Маньлоу вздохнул:

— Мне не по душе это место.

Даже стоя здесь, он уже кожей ощущал убийственную ауру, исходившую из поместья — как же он мог сделать хоть шаг дальше?

Хуа Маньлоу, под стать своей внешности, был человеком мягким и безмерно уважающим любую жизнь; он не одобрял убийств и не мог водить дружбу с тем, кто оттачивал смертоносное мастерство владения мечом.

— Лу Сяофэн, понятия не имею, что у тебя на уме, но на сей раз мне придется пренебречь твоей добротой.

Хуа Маньлоу был мягок, но в то же время непреклонен — раз приняв решение, он отступался редко.

Лу Сяофэн умолк.

— Лу Сяофэн, теперь-то ты объяснишь мне, зачем мы притащились сюда на самом деле?

Внезапно поинтересовался Хуа Манью.

Лу Сяофэн опешил, а затем горько усмехнулся:

— От тебя, Цитун, и впрямь ничего не утаишь.

Хуа Манью обмахнулся веером:

— Ты вел себя слишком подозрительно все эти два дня.

У Лу Сяофэна было множество преданных друзей не только благодаря его редкому обаянию, но и потому, что он всегда вел себя безупречно и глубоко уважал личные границы каждого. Ладя со всеми подряд, он никогда не навязывал своим товарищам дружбу друг с другом.

Однако сейчас Хуа Манью отчетливо чувствовал, как сильно Лу Сяофэн жаждет подружиться с Симень Чуйсюэ.

Это казалось в высшей степени странным.

Проведя бок о бок с Лу Сяофэном столько лет, Хуа Манью полагал, что хорошо изучил его повадки.

И хотя Лу Сяофэн твердил, будто всё затевалось ради противостояния с Дугу Ихе, его поведение в дороге выглядело неестественным: то была не тревога человека, за которым охотятся убийцы и которого втянули в крупную заварушку, а скорее угнетенность от неразрешимой проблемы. К тому же Хуа Манью чувствовал, что эта проблема так или иначе связана с ним самим.

Лу Сяофэн тяжело выдохнул, осознав, что выдал себя с головой.

— Я просто слишком спешил! Пожалуй, мне вовсе не стоило тащить тебя сюда.

Он с досадой постучал себя по лбу.

Не дожидаясь новых расспросов, Лу Сяофэн напустил на себя прежний беззаботный вид.

— Хуа Манью, я пока не могу раскрыть тебе истинную цель моего визита.

Если все задуманное удастся, тебя ждет огромный сюрприз; если же нет — мы просто продолжим распутывать клубок проблем Династии Цзиньпэн.

Не давая Хуа Манью возможности задать новые вопросы, он с показной беспечностью

потянулся:

— Раз уж ты, Цитун, не хочешь заходить, мне придется навестить его в одиночку!

Хуа Маньлоу нахмурился:

— Лу Сяофэн...

— Эх! Надеюсь, мой план сработает!

Перебив его, Лу Сяофэн с напускной легкостью отпустил шутку в свой адрес и уверенно зашагал к воротам усадьбы. Пройдя с десятков шагов, он заметил, как вся его наигранная веселость испарилась бесследно.

Не так давно Лу Сяофэн получил потрясающую новость — невероятно хорошую новость, с которой не шло ни в какое сравнение даже лучшее вино, пей он его хоть десять дней и ночей напролет.

Он помчался проверять весть и убедился, что та правдива, но радоваться было поздно: ему тут же дали понять, что слух нарочно пустили ради него одного, чтобы заманить в ловушку. Раз уж он клюнул на приманку, извольте выполнить одно поручение.

Это была открытая ловушка, сделка, на которую сам Лу Сяофэн шел с открытыми глазами, потому что отчаянно в ней нуждался.

Вот только задачка предстояла чертовски сложная. Настолько сложная, что от одних раздумий у него едва не выпадали волосы.

По правде говоря, к истории с Династией Цзиньпэн он относился вовсе не так враждебно, как показывал окружающим; скорее, он чувствовал скрытое облегчение.

И уж тем более он был готов сказать спасибо тому закулисному кукловоду, который с таким упорством затягивал его в эту паутину.

Пусть всех деталей происходящего он еще не знал, одно было очевидно: кто-то отчаянно пытался использовать его руки, чтобы устранить Дугу Ихе.

Если Дугу Ихе и впрямь главарь Башни Зеленых Одежд и шлет за ними убийц, им всё равно придется с ним схватиться; если же он невиновен, но таинственный злоумышленник из кожи вон лезет, чтобы свалить всё на него, значит, этот некто смертельно желает убрать Дугу Ихе с дороги. Если сегодняшний план сорвется, тот непременно придумает другой, но так или иначе, их столкновение с Дугу Ихе было неизбежно.

Это поистине прекрасная новость! Идеальный предлог, позволяющий вытащить наружу своего лучшего друга так, чтобы тот ничего не заподозрил.

Справиться с мастером меча высочайшего класса — кто, кроме Симень Чуйсюэ, способен на такой подвиг?

И разве мог Симень Чуйсюэ, будучи его другом, оставаться в стороне, зная, что Лу Сяофэну предстоит поединок с непревзойденным фехтовальщиком?

В гостиной стояли уютные кресла и томился в ожидании отменный, кристально чистый нектар.

В нефритовых чашах отражалось вино изумрудного оттенка, манящее густым ароматом — ровно такое же он неизменно тайком воровал во время прошлых визитов.

Однако сейчас Лу Сяофэну было совсем не до питья. Он уныло опустился в кресло и с горькой укоризной уставился на собеседника.

— Что должно стрястись, чтобы ты соизволил мне помочь?

В его голосе звучало такое отчаяние, что это лицо, обычно украшенное печатью мужественной красоты, сейчас казалось донельзя жалостливым.

Сидевший напротив человек остался глух к его мольбам.

Напротив восседал облаченный во всё белое мужчина.

Его одежда, сапоги, даже нижнее белье — всё было белоснежным.

Белоснежные одежды струились легкой тканью искуснейшего кроя, на которой угадывались вышитые в тон изнаночные узоры, но при свете дня они казались подернутыми ледяным сиянием, не излучая ни капли тепла.

Обладатель этого одеяния был холоден, как лед, и одежды под стать ему не несли в себе ни малейшего намека на человеческое тепло.

Кончики пальцев, сжимавших нефритовый кубок, сияли белизной чище самого камня. Он застыл на месте с невозмутимым ледяным выражением лица, напоминая изваяние из холодного нефрита.

Это был хозяин поместья — Симень Чуйсюэ.

Он молча восседал в кресле, внимая речам Лу Сяофэна, не проронив ни звука.

Лишь вдоволь налюбовавшись угнетенным видом Лу Сяофэна, он чуть приподнял уголки губ, изобразив нечто вроде насмешливой улыбки, гармонизировавшей с его ледяным выражением лица.

Когда человек, от природы лишенный привычки улыбаться, все же пытается это сделать, его улыбка неизменно отдает чем-то неестественным.

Симень Чуйсюэ и был подобным чудаком, а потому совершал исключительно чудацкие поступки.

Браться или не браться за то или иное дело — он решал, руководствуясь исключительно собственным настроением.

Посторонним подобные люди казались взбалмошными, но те, кто понимал их суть, знали: дело лишь в том, что эти избранные всегда отчетливо осознают желания собственного сердца.

Очевидно, довод Лу Сяофэна о том, что за ними по пятам идет могущественный мечник, не произвел на него никакого впечатления.

Лу Сяофэн сошелся с Симень Чуйсюэ именно потому, что понимал его характер; оттого ему было так тошно еще до прибытия сюда, а на месте головная боль лишь усилилась.

Симень Чуйсюэ явно не горел желанием покинуть усадьбу из-за каких-то призрачных угроз: как он сам заявлял, если ему заблагорассудится сразиться с Дугу Ихе, он просто отправит тому вызов, не дожидаясь удобного случая.

С таким другом — сущий крест на плечах! Неудивительно, что тот таинственный незнакомец предпочел зайти издалека и разыграть целую многоходовку через него!

Лу Сяофэн залпом осушил чашу с вином и решил пустить в ход козырную карту.

Он обратился к Симень Чуйсюэ:

— Скажи мне правду, неужели в твоей жизни и впрямь нет ни единой заботы?

Симень Чуйсюэ ответил без малейшего колебания:

— Ни единой.

Лу Сяофэн не сдавался:

— Совсем-совсем ни одной?

При этих словах лишенные всяких эмоций глаза Симень Чуйсюэ обратились на него.

По лбу Лу Сяофэна скатилась холодная капля — взгляд собеседника был так пронзителен, словно насквозь видел все его тайные помыслы, заставляя едва ли не во всем признаться.

К счастью, в этот момент Симень Чуйсюэ, очевидно, о чем-то вспомнив, резко сузил глаза и холодно бросил:

— Что ты пытаешься сказать?

Лу Сяофэн поскреб усы, пытаясь снять напряжение:

— А тебе знаком Дачжи Датун?

— Слышал, они знают обо всем на свете, — холодно отозвался Симень Чуйсюэ. Словно развивая собственную мысль, он выдержал паузу и прищурился: — Неужели они и вправду ведают всё?

Лу Сяофэн нервно хохотнул:

— Насчет всего — не поручусь, но осведомлены они куда лучше остальных.

На лице Симень Чуйсюэ промелькнула тень раздумья.

Воспользовавшись моментом, Лу Сяофэн осторожно проговорил:

— Перед тем как отправиться сюда, я вопрошал Дачжи Датун, есть ли способ расшевелить тебя.

Он выдал короткую усмешку:

— Сказали, что нет. Зато подсказали одну вещь, которую я мог бы попробовать.

Выражение лица Симень Чуйсюэ не изменилось; он безмолвно ждал продолжения, ничуть не выказывая любопытства.

Подождав немного и не дождавшись вопроса, Лу Сяофэн разочарованно вздохнул:

— Сказали, будто у тебя недавно объявилась одна забота. Мол, если я сумею разрешить ее за тебя, глядишь, у тебя поднимется настроение и ты соизволишь сдвинуться с места.

Симень Чуйсюэ пристально посмотрел на него:

— Забота?

Тон его оставался ровным, но во взгляде, устремленном на Лу Сяофэна, читался глубокий подтекст.

Лу Сяофэн, ничего не заметив, продолжал с показным вздохом сокрушаться:

— Правда, я сразу предупредил их, что эту проблему мне вряд ли по силам одолеть.

При этом вид у него был странный: вместо уныния на лице играло предвкушение хорошего представления.

Когда он услышал об этом впервые, то счел эту задачку умопомрачительно забавной; последовавшие затем события лишь укрепили его в этом мнении. И не будь на то иных причин... он бы с огромным удовольствием понаблюдал со стороны за этой занимательной историей, в которую вляпался его друг.

Тут лицо Симень Чуйсюэ неувовимо переменялось. Выражение сделалось странным и чужеродным; впорив взор в Лу Сяофэна, он произнес:

— Ты же мой друг.

Лу Сяофэн слегка растерялся, но всё же тут же кивнул:

— Разумеется.

Он, конечно же, был другом Симень Чуйсюэ, иначе не смог бы попасть в Усадьбу Десяти Тысяч Слив и попробовать хранящееся здесь отменное вино.

Даже если сейчас ему хотелось понаблюдать за тем, как друг попал в неловкое положение, он просто находил эту ситуацию забавной.

Симень Чуйсюэ крутил в пальцах кубок с вином, и в его голосе невозможно было уловить никаких эмоций:

— Тогда ты должен хорошо знать мой характер.

Лу Сяофэн замер, в душе у него шевельнулось странное предчувствие. Он не знал, что именно хочет сказать Симень Чуйсюэ, но у него почему-то скребли кошки на сердце.

В этот момент Симень Чуйсюэ внезапно опустил кубок:

— Я знаю, что ты затеял всё это, чтобы выманить меня из усадьбы. Я могу согласиться.

На лице Лу Сяофэна невольнo отразилось изумление:

— Что?

Симень Чуйсюэ усмехнулся — той самой насмешливой усмешкой, что и раньше.

— Я помогу тебе, но и ты должен выполнить одно моющее условие.

\*\*\*

У ворот усадьбы появились две фигуры, одна за другой вышедшие наружу.

Лу Сяофэн наконец-то уговорил Симень Чуйсюэ вмешаться, но заплатил за это страшную цену. Он с неудовольствием прикрывал лицо руками, словно не смея показаться на глаза людям, однако, едва выйдя за пределы усадьбы, тут же принялся озираться по сторонам, будто кого-то выискивая.

Неожиданно столкнувшись взглядом с Симень Чуйсюэ, он тут же вздрогнул от неожиданности.

Он понял: Симень наверняка раскусил его истинный умысел!

И верно, Симень Чуйсюэ остановился у ворот, обернулся и посмотрел на него так, что от одного его голоса веяло холодом:

— Теперь, когда я вышел, ты можешь наконец сказать, зачем именно ты меня разыскал.

Лу Сяофэн потёр со лба пот: на душе у него скребли кошки, ноги казались ватными, и он долго мямлил, не в силах вымолвить ни слова.

— Лу Сяофэн, неужели у тебя и правда было какое-то другое дело к Главе усадьбы Симень?

Хуа Маньлоу, заметив, что они застыли на месте, обеспокоенно подошёл ближе. Подойдя как раз вовремя, чтобы услышать их слова, он с удивлением посмотрел на Лу Сяофэна.

Лу Сяофэн не смел смотреть на Симень Чуйсюэ и обратился с объяснениями исключительно к Хуа Маньлоу:

— Хуа Маньлоу, а ты знаешь, почему я отправился разыскивать тебя?

Хуа Маньлоу недоумённо спросил:

— Почему?

Только что он спрашивал об этом Лу Сяофэна, но тот упорно хранил молчание. И раз теперь он готов заговорить, неужели всё дело в Главе усадьбы Симень?

Хуа Маньлоу погрузился в задумчивость.

Выдерживая ледяной холод, исходивший от Симень Чуйсюэ, Лу Сяофэн беспомощно вздохнул:

— Начнем с того, что приключилось со мной несколько дней назад.

Хуа Маньлоу прислушался, склонив голову.

Лу Сяофэн начал рассказывать:

— Не так давно я проезжал мимо одной деревни. Меня мучила жажда, и я зашёл туда попросить питья. Какая-то старушка очень радушно преподнесла мне целую большую мивку воды и даже оставила пообедать.

Хуа Маньлоу подыграл ему вопросом:

— И с той старушкой что-то не так?

Лу Сяофэн покачал головой:

— С ней действительно было не так, и даже очень не так. Ведь всего за несколько дней до моего визита та старушка была слепой, причём ослепла она уже несколько десятилетий назад. Но когда я пришёл, она управлялась с огнём и стряпней проворнее какой-нибудь молодой невестки — по ней абсолютно нельзя было сказать, что она слепая.

Хуа Маньлоу на мгновение замер, догадываясь о чём-то:

— Значит... её глаза исцелились.

Лу Сяофэн уже весь охвачен был волнением. Он воодушевлённо воскликнул:

— Хуа Маньлоу, ты понимаешь меня?! Глаза, ослепшие несколько десятков лет назад, кто-то исцелил!

Хуа Маньлоу заставил себя успокоиться:

— Быть может, это лишь единичный случай.

Лу Сяофэн кивнул:

— Верно, сначала я тоже так думал. Но потом я продолжил путь и в одном постоялом дворе увидел страшную толчею. Я подошёл поближе и услышал, что там недавно произошла драка: помощнику трактирщика кто-то случайно нанёс удар, повредив и ослепив глаз. И тем не менее, спустя всего два дня этот парень по-прежнему сновал по залу с подносом, потому что его глаз исцелил один из гостевавших тогда в таверне постояльцев.

Хуа Маньлоу на мгновение закрыл глаза, чтобы успокоиться, а затем твёрдо сказал Лу Сяофэну:

— Раз ты рассказываешь мне об этом именно сейчас, значит, ты уверен, что тот человек способен исцелить и мои глаза.

Лу Сяофэн взволнованно кивнул:

— Совершенно верно, он сказал, что сможет их вылечить.

Хуа Маньлоу о чём-то задумался и вдруг оборвал себя на полуслове:

— Лу Сяофэн, так вот в чём причина твоего столь странного поведения? Тот человек выдвинул какое-то условие?

Взбодороженное выражение лица Лу Сяофэна застыло, он потёр нос:

— Ах, Хуа Маньлоу, до чего же ты умен!

— Я просто хорошо тебя знаю. Будь всё просто, ты бы выложил это сразу, как только пришёл ко мне.

Он предположил:

— И это условие как-то связано с Главой усадьбы Симень?

Лу Сяофэн решил заговорить об этом только после того, как они вышли из Усадьбы Десяти Тысяч Слив вместе с Главой усадьбы Симень, а значит, условие несомненно касалось Симень Чуйсюэ.

Лу Сяофэн неловко задрал голову к небу, украдкой бросая косые взгляды на Симень Чуйсюэ.

Симень Чуйсюэ холодно глядел на него:

— Так вот в чём заключалась твоя истинная цель.

Лу Сяофэн кашлянул, кивнул и выложил всё как есть:

— Тот человек действительно поставил условие. Он велел мне выманить тебя, Симень, из Усадьбы Десяти Тысяч Слив, а взамен пообещал исцелить Хуа Маньлоу.

Услышав это, Хуа Маньлоу нахмурился:

— Этот человек враждует с Главой усадьбы Симень?

Заметив, что тот всё понял неправильно, Лу Сяофэн торопливо замахал руками:

— Нет-нет! Если бы было так, разве я согласился бы на его условия?

Он хотел помочь другу исцелить глаза, но вовсе не собирался ради этого предавать другого друга.

Симень Чуйсюэ уже стоял к ним спиной, глядя куда-то вдаль. Только Хуа Маньлоу по-прежнему оставался в недоумении, и Лу Сяофэн поспешил объяснить ему всё яснее:

— Тебе доводилось слышать об одном цзяньхуском слухе?

Хуа Маньлоу озадаченно приподнял брови.

Лу Сяофэн с опаской покосился на Симень Чуйсюэ и тихонько проговорил Хуа Маньлоу:

— Говорят, месяц назад некий человек смело признался Сименю в своих чувствах и с тех пор начал преследовать его с пылкой страстью.

Хуа Маньлоу на мгновение замер и вздохнул:

— Что ж, преданная душа.

Лу Сяофэн смущённо кашлянул и неловко вымолвил вполголоса:

— Тот человек — мужчина.

Хуа Маньлоу остолбенел:

— Э... об этом я как-то не слышал.

Рядом внезапно повеяло могильным холодом: леденящая аура, исходившая от Симень Чуйсюэ,

в одно мгновение превратила пышущую зеленью тёплую весну в лютую, свирепую зиму.

<http://bllate.org/book/22050/2292932>